

Константин Томилов

ОКАМЕНЕВШИЕ СЕРДЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Томилов

Окаменевшие сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66670862

SelfPub; 2021

Аннотация

Авторские фантазии на тему произошедших в прошлом веке событий. Субъективные размышления автора: о том, как и почему, для какой цели происходят чудеса, изменяющие законы земной реальности; о том, что верующий христианин не имеет права на страх перед земным злом. Так как люди ни помыслить, ни представить не могут себе: какие Грозные Силы стоят за спиной тех, чьи души избранны для Спасения.

Содержит нецензурную брань.

Константин Томилов

Окаменевшие сердца

Посвящается Эльвире

"Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их".

(Евангелие от Матфея гл.13; ст.15)

—Эх, как не вовремя! – милицейский генерал от досады стукнул кулаком по столу, – как, Вы, это самое..., не вовремя вы с этим! Я ведь только-только в должность вступил, а тут, Вы..., с этим вот...

Уютно устроившийся напротив него, в кресле, Храмовник, равнодушно пожал плечами:

–И что с того?

Достав из кармана белоснежный платочек и неспешно промокнув гладко выбритую голову и лицо, приказал:

–Жарко здесь, душно. Потрудитесь открыть. На проветривание, – заметив как генерал потянулся к пульту связи, резко рыкнул, – сами! Незачем, чтобы меня тут, посторонние, лишний раз.

Возмущённо дёрнувшийся было, начальник ГУВД, сник-

нув под холодно-чёрным взглядом, больших, навывате, глаз непрошенного посетителя, вылез из кресла и пошёл исполнять требование.

Задумчиво поглаживающий горбатый нос Храмовник, дождавшись когда генерал снова усядется, сосредоточенно продолжил:

–Значит, повторяю ещё раз, перед акцией, необходимо: проверить чтобы запасные выходы были заблокированы и убрать весь снег с тротуаров вокруг учреждения, чтобы жертв было как можно больше. Организацию и проведение акции произведут наши спецы. Вы с ближайшими своими помощниками будете отсутствовать в этот день в здании. Что и как, по какой причине вас здесь не будет, это мы тоже сами организуем. В-общем, не дёргайтесь, всё будет по плану, Центр и губернатор в курсе, от Вас требуется только слепое подчинение...

–Не понимаю! – вновь протестующе перебил, властно диктующего указания Храмовника, генерал, – не понимаю, зачем так-то? Уже дали же ответ этим общественникам, этим правдоискателям, что никаких документов по этому делу в областных архивах нет. Зачем устраивать такое?! Ведь жертвы будут, обязательно будут, много..., это здание, оно же как пороховой склад полыхнёт..., может хотя бы сугробы вокруг пусть будут? Людям хоть выпрыгивать из окон...

–Нет!!! – взвизгнул от ярости собеседник, – пусть разбиваются! Чем больше, погибнет человечешек во время это-

го, тем лучше! Зато, эти "умники" поймут, что всё! Все документы сгорели! Искать больше нечего, требовать больше нечего, нет ничего! А то совсем уже, распоясались с этой гласностью, осмелели, правду им видите ли подавай! Подтверждение того, было ЧУДО или нет, вынь да положь. Нет. Не будет этого. Мы этого не допустим. И чем безумнее будет акция, тем большего результата мы достигнем. Надо, чтобы все ужаснулись, чтобы у НИХ больше даже и мысли не возникало. А жертвы..., ну что жертвы..., жертвы – это хорошо, людишки сгоревшие в огне, будут приятной жертвой тому, кому МЫ поклоняемся, – вставая и собираясь на выход, – надо ещё б не забыть организовать, чтобы воды в машинах не было и ближайшие гидранты были неисправны...

Покосившись на затылок безвольно поникшего, упёршегося взглядом в стол генерала, заправив шёлковый шарф в пальто и надевая на лысую голову старомодную каракулевую шапку "пирожок", ободряюще хихикнул:

– Да не ссы, Владимир..., Петрович..., твоя то задница уцелеет..., если конечно, всё, как надо, сделаешь.

[Докладная записка в Центральное управление по делам религий. 9 января 1956 года, г. Куйбышев, ответственный по Приволжскому сектору старший спецагент номер 0115 (ноль сто пятнадцать)].

Согласно протоколам, предоставленным мне офицерами милиции и госбезопасности, сообщаю следующее:

7 (седьмого) января 1956 (одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого) года в доме по адресу: г. Куйбышев, ул. Чакалова, дом номер 84 (восемьдесят четыре), произошла аномалия (нарушение физических законов), подтверждающая реальность бытия божия. В помещении, осмотренном мною лично, действительно находится окаменевшее до невероятной твёрдости тело ранее идентифицируемое как человеческая особь Зоя Тимофеевна Карнаухова, 1935 (одна тысяча девятьсот тридцать пятого) года рождения, подробнее см.приложение. Температура тела, согласно проведённым измерениям, колеблется между минус 195-200 (сто девяносто пять-двести) градусов Цельсия. Температура в помещении около от минус 40 (сорок) до минус 75 (семьдесят пять) в зависимости от расстояния до тела, которое и является источником аномального холода. При осмотре, внутри тела, явственно слышны сердечные тоны, ритмичные, полные, характерные для нормального здорового организма. Проникновение, внутрь тела, невозможно ни одним из испытанных медицинских инструментов. Попытки уполномоченных лиц извлечь тело из здания вместе с участком пола не привели к успеху так как, при воздействии на доски пола различными слесарными инструментами, начинает фонтаном выделяться красная густая жидкость, при анализе определяемая как кровь IV(AB), вследствие чего, под действием психологического шока, производители работ теряют способность к их продолжению. По прекращении же физиче-

ского воздействия, доски пола самовосстанавливаются, выделившаяся из них жидкость впитывается обратно и исчезает. Ввиду вышеизложенного, все действия, по излечению тела из здания, приостановлены до дальнейших указаний. Со всех лиц, контактировавших с телом, взяты подписки о невыезде и неразглашении.]

–Эээ, а чё это у вас тут? Иконы? Откуда? – пьяно-весело проорал Васька Опилкин, главный "наливающий-выпивающий", только что опрокинувший в себя очередные полстакана, – чё то, уже три часа как "бухаем", а я только сейчас их заметил...

–Да это! Не обращай внимания! – ломающимся голосом, переходящим с трезвого баритона на пьяненький фальцет успокоил сын хозяйки дома, – это здесь раньше, ну как говорят, монах какой-то жил. Его, куда-то, "пинком под зад", а это здесь осталось..., я матери уже сколько раз говорил, выброси мол, выброси, а тож мало ли чего..., а она нет, боится чего-то...

–А-а? – повернула к ним пьяное, туповатое лицо, бормотавшая, сама себе, свои обиды: "я ему и давала, и деньги у меня есть, и квартира отдельная, а он!, ка-азёл!, к Соньке этой, библиотечкарше-нищевродке...", – чаво вы там? Про чё?

–Да вон, – мотнул головой в тёмный угол хозяин помещения, – Васька интересуется откуда эти доски раскрашенные,

а я ему, из леса вестимо! – загоготал, довольный сам собой и своей шуткой. Посмотрев вслед, тяжело вставшей из-за стола и заплетающейся походкой идущей в красный угол, девушке, сипло прошипел на ухо собеседнику, – как думаешь, Зойка мне даст? Кольки, то, всё равно нет, и не придёт на верное.

– Да кто ж, их, этих баб знает? – расстроено пожал плечами парень, – попробуй, а я, щас, ещё разок водовки хлопну и пойду. Катька эта, зараза, так вроде жопой крутила передо мной, думал, ну всё, "на мази" дело! Нет же, "сдриснула" вместе со всеми, "втихаря" . . . , – выпив и закусив жирно-масляным пирожком, – накрайняк, если чё, пойдёшь Маруську отъебёшь, когда Пашка с ней закончит, – махнул рукой в сторону дощатой перегородки из-за которой, даже сквозь рёв патефона, слышались звуки скрипящей железной кровати и какого-то свинячьего похрюкивания.

– Она то, она ж Маруська наша, стопроцентный вариант, безотказная как трёхлинейка! – покровительственно похлопал, покидая застолье, дружка по плечу, – так что, Гринька, если с Зойкой – нет, то с Маруськой точно – да, а я пошёл потихоньку, мне завтра в первую смену.

– Да ну её нахер, Маруську эту, надоела, – сердито сбросил руку с плеча, встающий вслед за приятелем Григорий, – я попробую Зойку уболтать, они, бабы, бывает от обиды, за просто соглашаются, а она, сильно на Кольку залупилась, за то, что, он её на Соньку променял.

–Сонька – это да! – согласно кивнул головой Василий, натягивая драповую куртку, – с такой кралей и я б замутил, и бухать может бросил, и женился бы..., да только, сильно гордая, принца ждёт, под стать себе красавице. У Кольки тоже нихрена не получится, она и замуж за него не пойдёт, потому что сильно умная, и, до свадьбы, не даст ему..., так что, покрутится он вокруг неё, покрутится и к Зойке вернётся, – кивнул головой в сторону стоящей в углу девушки, – ну давай! Покедова, – хлопнул по ладони Григория и надевая шапку, завершил, – а ты, пока Кольки нет, попробуй, попробуй, может чего и получится.

–Дойка!, тьфу ты!, то есть, Зойка! – подойдя сзади к напряжённо вглядывающейся в иконы девушке, попытался приобнять и притянуть её к себе, Григорий, – пойдём, потанцуем?

–Нет! – решительно отбросила нахальные ладони, как-то неожиданно протрезвевшая девица, – потянувшись всем телом вперёд и ввысь, с трудом прочитала, – Николай..., Чудотворец..., на моего Кольку похож...

–Ты чё болтаешь то? – как-то несмело рассмеялся Гришка, – это же – Святой, а твой то...

–Знаю! – отчаянно взвизгнула Зоя, – мой не святой, а я тогда со Святым, раз несвятого здесь нет!

Решительно сняв икону с полки, прижала её к груди и вприпрыжку прошагала на центр комнаты.

Как только девушка сделала первый пируэт дом содрог-

нулся, как живой, весь, от крыши до основания. Как будто вблизи, безшумно, взорвалась многотонная авиабомба.

–ААА!!! МАМА!!! – истошно заорал, в наступившей мёртвой тишине неудавшийся ухажёр, глядя на мраморно белую статую, окружённую сполохами северного сияния и исторгающую волны ледяного холода.

—

–Электроинструмент пробовали? – выдохнул облако пара, сморщенный как печёное яблоко, старший Храмовник, пристально разглядывая застывшую в девственной белизне девушку.

–Пробовали, все чего можно и чего нельзя пробовали, – угнетённо вздохнул и пожал плечами майор гэбэшник, – один даже, лейтенант милиции, пытался из табельного оружия, пуля срикошетила, – показал взглядом на свежезабитое фанеркой окно, – хорошо, не один он был, обезоружили и в больницу.

–Ну, это конечно он зря, – укоризненно заметил ученик старого, молодой, карикатурно горбоносый Храмовник, – плохо подбираете людей для работы с Объектом, майор.

–Ну-ну-ну! – успокоил смертельно побледневшего гэбэшника старший Специалист, – сейчас мы здесь, и, соответственно всё под контролем. Михаэль Яковлевич, не пугайте так, людей, с ходу, им и так уже, за эти двое суток, досталось. И понятное дело, поначалу, всегда, к таким Дела́м бывают причастны случайные люди, – шагнув подальше от "статуи",

достал из кармана пальто платок и прижал к лицу, – дышать невозможно, холодно ведь, а запах как на парфюмерной фабрике. Пойдёмте на улицу, там и теплее и, вони этой церковной нет.

–Как скажете, Юлий Самуэлевич, – согласно кивнул молодой, опуская каракулевый воротник, которым были укутаны от холода гладко выбритые шея и затылок и быстро шагая впереди всех из помещения.

–Сколько всего сейчас находится под арестом? – обернулся с топчемося позади майору старший, после того как они миновали первый, внутренний пост.

–Тридцать два человека, все под усиленной охраной и наблюдением психиатров, – с угодливой готовностью доложилсся гэбэшник, – сейчас, когда после ваших указаний, мы, проводя первичный инструктаж, говорим, что Объект это фокус, иллюзия, устроенная вражескими разведантами с целью подорвать основы нашего социалистического строя, эксцессы полностью прекратились. Но слухи..., слухи уже распространились по всему городу. Ну, что там говорить, вы и сами всё видите, – завершил лакейски-угодливо открывая дверку чёрной бронированной машины.

–Петро! – толкнул локтем прапорщик внутренних войск, стоящего с ним в охране напарника, младшего лейтенанта, – а кто это?

–Да хрен его знает, – встопорщил погоны офицер, – вроде как из управления по делам религий. Но что то непохоже, на

этих политагитаторов. Страшные такие. Как нелюди. Майор наш, это перед ним обычно все трепещут, а тут, он, сам, как побитая собака перед ними, "на пузе" ёрзает...

— Да-да, точно как и не люди они, а не знаю кто, — торопливо соглашаясь, перебил прапорщик, — на меня, этот, молодой, как глянул, я чуть не обосрался, сердце сдавило и ноги как ватные, глазищи как бы чёрные, и не чёрные, а красные, как будто угли затухающие...

— Ладно, ладно, всё, забудь! — нетерпеливо прервал его офицер, — помнишь под чем подписывался? Вот и..., и не вздумай кому-нибудь об этом..., не дай бог...

—

— Ну так, Михаэль Яковлевич, что мы имеем? — не глядя на собеседника спросил старший храмовник.

Молодой, оторвав пристальный взгляд от мрачно расступавшейся, перед черной машиной, народной толпы, повернув хищное лицо к "начальствующему" подытожил:

— Они сначала гадали, по своей народной традиции. У них сейчас, то, что они называют — "святками", время, во время которого, можно нагадать и приворожить себе мужа богатого, здорового и покладистого. Традиции этой много веков. Потом оргия. Со всеми составляющими: пьянство, обжорство и блуд...

— Угу, угу! — согласно "клюнул" носом Юлий Самуэлевич, — естественно, что когда после ТАКОГО, эта девица попыталась совершить богохульство, то случилось то, что слу-

чилося. ТОТ против, которого мы уже две тысячи лет безуспешно воюем...

–Почему безуспешно?! – перебив, не взирая на авторитет, "ринулся в атаку" Михаэль Яковлевич, – ещё чуть-чуть, и здесь, хотя бы здесь, в этой Новой Хазарии, мы уничтожим последнего попа и тогда...

–Нет, мой юный друг, – несогласно помотал головой Юлий Самуэльевич, – сколько раз уже, и здесь, в Третьем Риме, и в мире вообще, сменяющие друг друга поколения наших мудрецов, заранее провозглашали скорую победу. Крушение этой зловредной ереси. И каждый раз, ОНИ, как и проповедываемый ими Назарянин, "воскресали" из ничего. Нет, Михаэль Яковлевич, пока мы не захватим их Главную Реликвию, и не уничтожим Хранителей..., всех..., до последнего, нам не победить.

–Знаете, Юлий Самуэльевич, меня часто донимают сомнения, а существует ли она, эта Чаша Первого Причастия и Хранители Её? Ведь двадцать веков за ней охотятся, и не только мы, и никаких результатов, ни у кого.

–Здесь Она, Михаэль Яковлевич, можете даже не сомневаться, здесь, на ИХ территории, – убеждённо выдохнул ветеран борьбы с православием, – и никуда за пределы этой страны, с тринадцатого века, ОНИ Её не переправляли. Сведения наши, хоть и разрозненные, но всегда это подтверждают. Похоже и монах этот, который в этом домишке ранее проживал, причастен был. Хоть какие-то сведения по нему?

– Никаких! – возмущённо вскинулся собеседник, – совсем никаких. Как в воду канул. Понятное дело, что тогда, три года назад, по всей стране бардак был, но не до такой же степени, чтобы находящийся под надзором поп, вдруг, неизвестно куда, исчез. И никаких следов. Никаких документов. Совершенно. Даже в нашей конторе.

– Кстати, о нашей конторе, – грузно полуобернулся к визави Юлий Самуэльевич, – готовьтесь, Михаэль Яковлевич, уходить в подполье, придётся засекачаться. Потому! – решительно кивнул головой, "обрубая", читающиеся в выпученных глазах, недоумённые возражения, – там, в Центре, к власти прут новые силы. "Лысого" скоро уберут, фронтовики поставят своего. И, самое главное! Есть сведения, что некоторые, из рвущихся сейчас к власти, хотят восстановить Подразделение! Да, да, ТО САМОЕ! Они раскопали в царских архивах кое-что, ну и сейчас налаживают связи с теми, кто за рубежом.

– А разве кто-то остался?! – злобно скрипнул зубами "волчара", – вроде ж, мы их, всех и везде, перебили.

– Ого-го! – невесело рассмеялся в ответ Юлий Самуэльевич, – это в Европе, пока война шла, "под шумок", там где боевые действия происходили, ну там в Азии и Африке, частично. А в обеих Америках они, пока что, целёхонькие. И сильные там, очень сильные, потому что, христианство там, среди местного населения, сейчас крайне фанатичное. Так что, с этими регионами ещё работать и работать, но это уже

вам, новому поколению Мудрецов... – замолкнув разглядывая, сквозь лобовое стекло остановившейся машины, ветхие, осыпающиеся стены православного храма, – приехали. Пошли, побеседуем с местными "чародеями", эта икона по их части, может чего и подскажут.

—

– Не понимаю, – помотал седой бородой настоятель, сидящий за покрытой старой клеёнкой столом, – не понимаю, что вы от меня то хотите?

– Ты, Венька, "дурака то не включай", – холодно рыкнул, глядящий на него сверху вниз, Юлий Самуэльевич, – надо, чтобы ты, там, возле Объекта, "поколбасился" со своими магическими приколами, обрядами вашими, в-общем, короче, давай попробуй сделать чего-нибудь! Молебен там какой-то, может и поможет.

– Это как же так-то? – изумлённо поднял лицо священник, – у нас нет и не может быть никакой магии, – обернувшись и посмотрев на домашний киот, перекрестился и продолжил, – если ЧУДО случилось, то как же я смею...

– Не зли меня! – схватил за бороду и дёрнул к себе, не желающего отрывать взгляда от икон, батюшку Юлий Самуэльевич, – забыл, кто тебя ещё в обновленцах завербовал? Или напомнить тебе, кто тебе помог когда уполномоченные денежную растрату обнаружили? А кто твою "задницу прикрыл", когда перед войной ты с пидорами вовсю "резвился"?

– Конечно, я сделаю то, что вы от меня требуете, – скри-

вившись от физической и душевной боли, когда храмовник отпустил бороду, снова опустил лицо к столу многогрешный, – сделаю. Но результат? Результата никакого, скорее всего не будет.

–Ты посмотри, блядь, какой! – психанув, наотмашь дважды хлестнул священника по лицу черными, снятыми с рук перчатками, сидящий напротив него молодой храмовник, – уверовал типа. Наконец-то. Под старость. Раскаялся типа. И думаешь ОН тебя простит, после того, что ты навывари-вал?!

–Я надеюсь, – раскрасневшись, как впервые согрешившая девушка, ответил дрожащим голосом священник, – Он Милостив...

–Венька! – холодно расхохотался, ночным филином захал, Юлий Самуэльевич, – ну ты чего? Совсем дурак что-ли? ОН простить может, только тех, кто не понимал – ЧТО делает! А ты, дружище, прекрасно осознавал, что!, ты делаешь и почему! Так что..., а ну ладно! В-общем, так: завтра, сегодня уж не поедем, берёшь свои причиндалы и туда. Машину мы за тобой пришлём. А мы попозже. Встретим с поезда вашего "знаменитого" уroda и туда привезём...

—

–Я вас люблю! – с радостным чириканьем ринулся конвоируемый храмовниками юродивый к последнему караулу.

–Иди уже, задолбал! – злобно прокаркал Михаэль Яковлевич, слегка встряхнув, согнутого буквой Г, искалеченно-

го при родах человечка.

– Не нервничайте, коллега, не стоит, – успокаивающе процедил сквозь зубы Юлий Самуэлевич, придерживая недоумка под руку, чтобы он мог побыстрее перебирать заплетающимися ногами.

– Простите, учитель. Просто за эти полчаса..., он уже..., прям до тошноты, – рыкнул в ответ молодой Мудрец.

– Я вас люблю! – тут же повернулось к нему безбородое, как изжёванное старческое лицо, с голубыми глазами двухлетнего ребёнка.

– Любишь, любишь, – пробормотал себе в горбатый нос Михаэль Яковлевич, открывая заиндевевшую дверь в помещение.

– Фууу! Венька! Как ты навонял то здесь, – закашлялся застаскивая, внутрь комнаты из коридора, юродивого Юлий Самуэлевич, – Михаэль Яковлевич, не закрывайте пока дверь, пусть хоть немного проветрится.

Стоящий в облаках пара и ладана, перед иссиня-белой девушкой, безотчётно бормочущий: "Пресвятая Богородица, помилуй нас!..., Владыко, прости беззакония наша, имени Твоего ради!..., Пресвятая Троице, помилуй нас!..., Господи! Иисусе Христе! Милостив буди мне грешному!...", очнулся и толкнув в бок, широко распахнувшего глаза и рот, дьякона, отдал ему потухшее кадило:

– На, Иван, держи и пошли отсюда, нечего нам здесь делать...

Послушно опустивший голову недавно рукоположенный в сан, молодой парень пошагал на выход.

–Я тебя люблю! – утиной походкой ринулся к нему, специально привезённый из далёкой Сибири, юродивый, – ты, Ваня, и я – Ванечка! – пролепетал радостным детским голоском и ткнувшись головой в живот, остолбеневшему от неожиданности дьякону, обхватил его за пояс и погладил по спине.

–Обратите внимание, Михаэль Яковлевич, что он не ко всем на "ты" обращается, и обнимается не со всеми, – проговорил пристально наблюдающий за этой сценой старший храмовник, – этого, "избранного", необходимо будет взять на особый контроль! – значительно посмотрев на согласно кивающего ученика, продолжил, – а теперь посмотрим, как он поприветствует нашего протеже, – оторвав юродивого от обмякшего дьякона, повернул его к застывшему в напряжении священнику.

–Я вас люблю! – обыденно-радостно пропел опять Ванечка и обрулив обречённо поникшего настоятеля Покровского храма, переваливаясь с боку на бок заковылял к Объекту.

–Ну вот! Что я тебе говорил, Венька! Не простит ОН тебя! Вот, даже ваш "глашатай" это подтверждает! – торжествующе потёр озябшие руки Юлий Самуэльевич и засунул их в карманы полушубка.

–Может ещё и простит, этого никто не знает, – обиженно забормотал было в ответ "проштрафившийся", тут же прерванный яростным, нетерпеливым шипением молодого хра-

мовника:

–Тихо! Он..., он..., он выпрямился! Этого не может быть!

Ровно и прямо предстоящий перед оледеневшей девушкой, временно исцелившийся юродивый, заговорил басом от которого задребезжали стёкла и казалось задрожали стены:

–НЕ ТРОНЬТЕ ЕЁ. ОСТАВЬТЕ ВСЁ КАК ЕСТЬ. ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОГО ПОСТА. Я НАЧАЛ И Я ЗАКОНЧУ.

Завершив пророчество, Ванечка, вскрикнув от мучительной боли обратного превращения, согнулся в три погибели и заплакал.

–Когда у вас это..., ваш этот пост начинается? – спросил у дрожащего всеми членами священника, нимало не впечатлённый чудом Юлий Самуэльевич, посмотрев на слегка ошалевшего ученика, успокоил, – ай, да бросьте, Михаэль Яковлевич, я Вас умоляю! Вы ещё и не такие "фокусы" во время своей карьеры увидите. И с той, и с другой стороны, и наши спецы много чего могут и умеют. Так, что, Венька, когда?

–Девятнадцатого марта, – коротко ответил священник.

–Долго..., два месяца, даже дольше..., ну ладно, чтож теперь, подождём, не впервой, – резюмировал глядя на согласно кивающего помощника по ремеслу.

–А может, спалить этот дом к чёртовой матери? – влез в разговор шагнувший в распахнутую дверь гэбэшник.

–Ты майор, совсем дурак?! – злобно каркнул на него молодой храмовник, – сейчас стены Объект закрывают от постороннего внимания, а если дом сгорит? Что прикажешь?

Из фанеры заново городить? После того, как тут фейерверк произойдёт, ты хоть представляешь, как это быдло взбудоражится? – презрительно скривившись на, в ужасе птящегося от него, гэбэшника, "вытолкнул" его из помещения пожеланием, – пошёл нахуй отсюда.

[Докладная записка в Центральное управление по делам религий. 22 марта 1956 года, г. Куйбышев, ответственный по Приволжскому сектору старший спецагент номер 0115 (ноль сто пятнадцать).

Согласно протоколам, предоставленным мне офицерами госбезопасности и личным наблюдениям, сообщаю следующее:

18 (восемнадцатого) марта 1956 (одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого) года в доме по адресу: г. Куйбышев, ул. Чкалова, дом номер 84 (восемьдесят четыре), где находился Объект, произошли следующие события. Вопреки ожиданию, оживление Объекта, человеческой особи Зои Тимофеевны Карнауховой, произошло не с утра 19 (девятнадцатого) марта, а в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое. Вопреки той информации, которая была предоставлена нам служителями РПЦ, в чём нам видится злостный саботаж и вредительство. Согласно показаниям внутреннего караула, который находился на одночасовом дежурстве, непосредственно в помещении, где находился Объект, примерно в двадцать три часа тридцать минут, восемнадцатого марта, из двери

ведущей в кладовую, вышел странно одетый, очень старый мужчина. Подойдя к попавшим в непонятный ступор караульным, задал им вопрос, нужна ли им икона, которую держит Объект? На этот вопрос караульные ответили отрицательно. На что он сказал им, что тогда он её забирает. Затем подошёл и без всякого труда вытащил икону из Объекта. Затем проследовал мимо, так и находящиеся в оцепнении караульных, назад в кладовую. Как только за ним закрылась дверь, Объект совершил обратное превращение в человеческую особь женского пола. Окаменение и исторжение холода прекратилось. Вызванные на место происшествия спецагенты прибыли в один час пятнадцать минут девятнадцатого марта. Обследовав кладовую, из которой якобы выходил и куда ушёл субъект похитивший икону, убедились в том, что это тесное, замкнутое помещение, заваленное всяким хламом, не имеющее ни окон, ни дверей, кроме той, которая открывается в помещение, где ранее находился Объект. Бывшая ранее Объектом, Зоя Тимофеевна Карнаухова, находилась (со слов осматривающих её медицинских работников) в коматозном состоянии. Вследствие чего, нами, было принято решение об её эвакуации в специальное медучреждение. Девушка была оправлена в сопровождении двух медицинских бригад, под усиленной охраной служащих госбезопасности. По дороге, примерно на середине пути от места отбытия до места прибытия, следовавшие в автомобиле скорой помощи медицинские работ-

ники впали в (как они утверждают) непреодолимый сон. В то же время, управляющий машиной водитель и находящийся рядом с ним офицер госбезопасности ничего странного, воздействующего на их физическое состояние не ощущали. Следовавшие за автомобилем перевозящим тело, в машине сопровождения, так же (согласно показаниям при допросе) не заметили ничего необычного. Тем не менее, по прибытии, очнувшись от необъяснимого сна, медицинские работники обнаружили исчезновение тела Зои Тимофеевны Карнауховой. Вследствие вышеизложенного, нами, для объяснения произошедших событий причастным лицам, была внедрена версия об похищении и иконы, и тела, американскими диверсантами, совершённая под действием гипноза. Со всех, участвовавших в Деле, взяты подписки о невыезде и неразглашении государственной тайны. Для заинтересованных событиями обывателей, внедрена версия об устроенном самой хозяйкой дома "театральном представлении", мистификации произошедших событий. С нее также взяты подписки о невыезде и неразглашении государственной тайны, проведен подробный инструктаж и выплачено денежное вознаграждение в размере 10000(десяти тысяч) рублей. Вся документация свидетельствующая о существовании Зои Тимофеевны Карнауховой и её матери Надежды Ивановны Карнауховой изъята, мать арестована и помещена в медицинское спецучреждение. Прошу разрешения Центрального Совета об уничтожении помещения в котором находился Объект по

истечение полугодовалого срока.]

(Резолюция.

Центральный Совет Мудрецов Новой Хазарии постановил: всех причастных к произошедшему, постепенно, подввергнуть физическому уничтожению. Все документы по Делу хранить под грифом "совершенно секретно". Помещение, в котором находился Объект, оставить в целости на десятилетний срок, чтобы не привлекать внимания.)

Вырывающиеся из окон горящего здания, как из доменной печи, гудящие языки адского пламени толкались в висящий над городом тяжёлый холодный туман, как в сырые кишки выпавшие из брюха гигантского левиафана. Метающиеся внутри четырёхэтажного дома, завывающие от ужаса тени, вываливались наружу и падали на мокрый асфальт.

—Хорошо, очень хорошо! Просто отлично! —потёр озябшие ручки Михаэль Яковлевич и поёрзав каракулевой шапкой по лысому черепу, спрятал их в карманы пальто.

—Ну, не знаю, не знаю, — несогласно поежился стоящий рядом с ним молодой раввин, — все-таки, это же люди, хоть и гои конечно, но...

—Да ладно Вам, Шломо! Нашли тоже, кого жалеть. А наших сколько вот также?

—Наших, уважаемый Михаэль Яковлевич, жгли наши же, а не вот эти вот. И делали они это, для того, чтобы сподвигнуть их пег'еселение в Изг'аиль, то есть Новый Исход "вг'учную",

искусственным обг'азом...

–Ну ладно, ладно, дорогой, не будем об этом вслух! Да ещё и на улице. Не надо ссориться, не до этого сейчас.

–А я и не собиг'ался с Вами сог'иться. Пг'осто методы ваши..., не вижу в них никакого смысла. Вот мы, всё-таки думаем...

–Шломо, Шломо! Вы опять сейчас начнете мне про идею этого вашего, нового пророка, Пинхаса Полонски? Про то, что это типа мы специально для гоев историю Христа придумали, чтобы они в нашу сокровенную религию не лезли? – хитро рассмеявшись прервал согнувшийся от старости храмовник молодого собеседника, – старо это, мой юный друг, и не работает, пробовали ранее и безрезультатно, – взяв под руку недоумевающего ученика и уходя с ним прочь от устроенного ими бедствия, – этот поц, Пинхас, выдает за своё изобретение то, что он откопал в старых сефардских рукописях. В середине тринадцатого века, в Кордове, жил один умнейший, сейчас несправедливо забытый...